

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ

PROBLEMS OF ETHNOMUSICOLOGY

М. Г. Кондратьев

***Кёсле* — самобытная разновидность российского псалтернума**

Аннотация

Статья посвящена выявлению инвариантных признаков чувашского цитровидного инструмента *кёсле*, отличающих его от аналогичных цитр народов России: удмуртского *крезь* 'я, марийских и татарских кряшенских инструментов с «полуцилиндрическим» резонатором, а также от русских гуслей с долблёным корпусом. Автор приходит к выводу, что внешний вид и конструктивные особенности *кёсле* существуют много веков.

Ключевые слова: цитры народов России, псалтиревидные/шлемовидные гусли, *кёсле*, *крезь*, *кўсле*, *гөслә*, сборный корпус-резонатор, каноны формы, многовековая устойчивость.

M. G. Kondratiev

***K'jsleh* as an Original Variety of the Psalterium of Russia**

Summary

There is an idea in ethnoorganology, that “the kyusle, kesle, gusle, and krez’ of the peoples of the Volga region are absolutely identical in design with the Russian helmet-shaped gusli”. A study of specific instrument samples shows that calling them absolutely identical is a big exaggeration. The article is devoted to the identification of invariant features of the Chuvash *k'jsleh* that distinguish it from similar instruments. Historically, the canon of the *k'jsleh* design is the prefabricated resonator housing consists of two decks and three shell walls. The case has a complex three-dimensional configuration of great length and depth. The details of the design and size of *k'jsleh* differ from the Udmurt *krez'*, Mari and Tatar-Kryashen instruments with a “semi-cylindrical” resonator, as well as from the Russian psalter-shaped gusli with a hollowed-out body. The author comes to the conclusion that the constructive and aesthetic canons of the *k'jsleh* have been preserved for many centuries.

Keywords: Zithers of the peoples of Russia, psalter-shaped/helmet-shaped gusli, *k'jsleh*, *krez'*, *kusleh*, *gosleh*, a prefabricated case-resonator, canons of form, centuries-old stability

Чувашский *кёсле*, согласно общей классификации музыкальных инструментов, относится к роду цитровидных инструментов, то есть безгрифных щипковых хордофонов. В культуре России цитры представлены гусями трёх разновидностей [См.: 3. С. 275]:

- звончатые, или крыловидные;
- псалтиревидные (по А. С. Фаминцыну — гусли-псалтирь, «один из видов... psalterium'a» [21. С. 92]), или шлемовидные (современный термин, введённый К. А. Вертковым);
- прямоугольные, или столообразные.

Кёсле и аналогичные ему инструменты других народов входят в группу гуслей псалтиревидных/шлемовидных. В русской культуре, учитывая конструктивную сложность инструментов этой группы, принято считать, что гусли-псалтирь «относились, несомненно, к числу профессиональных, скоморошеских инструментов» [4. С. 106]. Этим объяснялось использование псалтыря скоморохами и отсутствие его в простонародном музыкальном быту. При этом не учитывался и не комментировался факт, что шлемовидные гусли веками бытовали в массовой музыкальной практике народов Поволжья. Побывавший в первой половине XVIII века в Казани и Чебоксарах историк Герард Миллер записал: «Из игральных инструментов первой у них есть наподобие лежачей гарфы, видом полумесяца, об 18 струнах. Такие инструменты употребительны и у русских, которые называются гусями, и кажется, что как употребление сего инструмента, так и звание онаго взято у татар, ибо татары называют так же *гусли*, черемисы *кюселе*, чуваша *гюссле*, а вотяки *крессь*» [12. С. 80].

Происхождение российской «лежачей арфы» дискутируется. Если А. С. Фаминцын в книге «Гусли. Русский народный музыкальный инструмент» связывал инструмент с единым первоисточником, то современные учёные склоняются к мысли о конвергентности

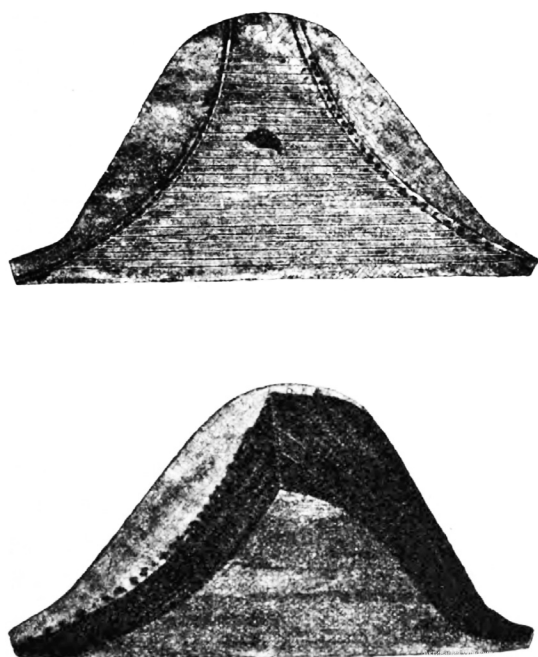
происхождения и эволюции гуслей [См.: 1. С. 115]. Как бы ни трактовался вопрос о генезисе (его рассмотрение не входит в круг задач нашей статьи), у инструментоведов преобладает мнение, сформулированное в «Атласе музыкальных инструментов народов СССР», что «абсолютно одинаковыми по конструкции с русскими шлемовидными гусями являются кюсле, кёсле, гуся, крезь народов Поволжья» [2. С. 8]. Некоторые конструктивные различия шлемовидных гуслей иногда всё-таки отмечаются исследователями. На них обращает внимание, например, автор монографии «Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья» В. И. Яковлев, хотя, по его мнению, такие отличия не имеют чёткой локализации [См.: 25. С. 180–181] и, следовательно, не связаны с традициями той или иной культуры либо местности. На этом основании и в больших инструментоведческих классификациях шлемовидные/псалтиревидные гусли не выделяются в качестве самостоятельной группы цитровидных инструментов. Это касается не только широко известной международной систематики Хорнбостеля-Закса [См.: 23], но и новейшей отечественной энциклопедии «Музыкальные инструменты» [15], где цитры классифицированы по геометрии верхней деки. Такое отношение к шлемовидным гусям было задано А. С. Фаминцыным, который считал их частным случаем «трапециевидного, с закруглёнными сторонами Psalterium'a» [21. С. 92]. С этой точки зрения цитры по форме корпуса имеют следующие разновидности:

- прямоугольные,
- прямоугольные длинные,
- треугольные,
- трапециевидные,
- крыловидные,
- с лютнеобразным корпусом [См.: 15. С. 666].

Тем не менее при вникании в конкретные особенности музыкальных инструментов того или иного народа Поволжья обнаруживается, что называть эти внешне сходные цитры-псалтериумы едиными по происхо-

ждению и «абсолютно одинаковыми» инструментами — большое преувеличение. Этим обусловлена тема настоящей статьи, посвящённой выявлению инвариантных признаков чувашского *кёсле*, отличающих его от аналогичных российских цитр. Материалом для этого служат несколько десятков изученных автором образцов цитрообразных инструментов (главным образом, *кёсле* XIX и XX веков), хранящихся в музеях Чувашии и других регионов, а также созданных современными мастерами.

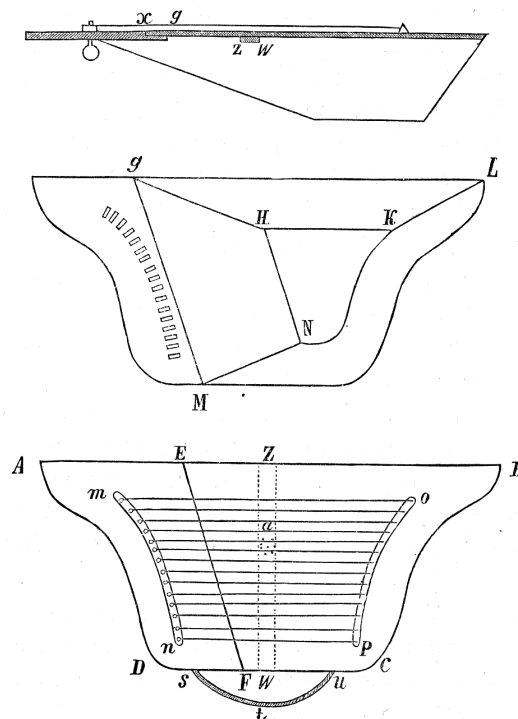
Примечательно, что А. С. Фаминцын, желая дать адекватное представление о специфическом облике чувашского псалтериума, разместил в своей монографии его изображение в двух ракурсах (заметим — не удостоив такой чести другие инструменты) (см. ил. 1).

Ил. 1¹

Фотографии сопровождаются подробным описанием: «Чувашские двадцатиструнные почти полукруглые гусли музея Императорского Русского Географического Общества... а — сверху (со стороны струн), б — снизу (со стороны голосного ящика). Для большей наглядности нижняя сторона инструмента снята несколько сбоку: с левой стороны

рисунка (б) видно продолжение, вне голосного ящика, голосной доски, снабжённой колками; вся остальная часть рисунка представляет голосной ящик, имеющий плоское, почти треугольное дно и несколько изогнутые стенки, на рисунке очень затенённые» [21. С. 92].

Ещё дальше пошёл современник Фаминцына этнограф В. А. Мошков. Он изготовил чертёж *кёсле* в трёх проекциях, что позволяло дать ещё более полное представление об уникальной форме инструмента, встреченного им в войсках Варшавского военного округа российской армии в руках нижнего чина, чуваша из Уфимской губернии Алексея Ермолаева (см. ил. 2).

Ил. 2²

Следует иметь в виду некоторые особенности чертежа. Во-первых, дека имеет трапециевидные, лишь с незначительно «закруглёнными сторонами» очертания, для обычного *кёсле* нетипичные, а также плоскую левую обечайку (традиционно она должна иметь дугобразный прогиб, освобождающий место для колков). Возможно, это объяснялось тем, что Мошков

видел инструмент несколько упрощённой конструкции, собранный солдатом-«иногородцем» в казарме из подручных материалов. Во-вторых, вид инструмента со стороны нижней деки дан в зеркальном обращении (видимо, с целью совместить расположение колков во всех проекциях). В-третьих, число колков, показанное со стороны нижней деки, — 17 (что соответствует и словесному описанию в тексте), в то время как число струн, уместившихся на лицевой стороне, — 14.

Устойчивым каноном конструкции *кёсле* является сборный резонатор из двух дек (нижняя меньше верхней, отчего весь корпус конусообразно сужается к ней) и трёх стенок-обечаек: двух изогнутых боковых и прямой передней. В подавляющем большинстве образцов *кёсле* верхняя дека составная (её частью является колковая доска), но встречаются инструменты и с цельной декой (колковая доска-планка прикрепляется к ней снизу). Корпус имеет сложную трёхмерную конфигурацию большого объёма. Такой конструкцией *кёсле* отличается от псалтиревидных гуслей с долблённым корпусом, нередко изображавшихся в книгах прошлых веков. Их характерными признаками являются вогнутая или фигурная форма передней стенки, заострённые углы её основания. Так обычно выглядят гусли библейских персонажей, например, псалмопевца Давида-пастыря из миниатюры 1542 года, воспроизведённые в книге А. С. Фаминцына (см. ил. 3).

Таковы же псалтиревидные гусли царя Приама из «Лицевого летописного свода» XVI века [См.: 11. С. 464], оформлявшегося, как известно, московскими иконописцами (фрагмент на ил. 4), а также гусли современных русских мастеров, делающих переднюю стенку корпуса фигурной (см. ил. 5). Резонатор таких цитр имеет небольшую глубину, обусловленную толщиной доски, из которой он выделяется.

Кёслєсѣ (= гусяр) во время игры держит инструмент наклонно на коленях. Если же ему приходится играть стоя или в движении, то гусли подвешиваются на шнурке, закинута за шею. Во всех случаях овальный верх прижимается к груди. Его округлая вершина и расширяющаяся вниз дека оставляют исполнителю

гуслинега в ѣмла ѡчасѡ
ѣго ꙗсѣа

Ил. 3³

Ил. 4

Ил. 5⁴

свободное пространство для локтей. Она удобна и для опоры предплечий на её края в процессе перебора струн, что хорошо видно на ил. 6.

Ил. 6⁵

Скошенностью граней и отсутствием острых углов обратная сторона корпуса обеспечивает эргономичную комфортность (нетравматичность) прилегания инструмента к груди. Современный мастер музыкальных инструментов В. С. Чернов считает, что конфигурация верхней деки и всего корпуса *кёсле* порождена многовековой практикой, имеет эстетические достоинства и соответствует, по его выражению, «антропологическим данным человека» [24. С. 111].

Классического вида *кёсле* подробно описан в 1910 году краеведом из села Моргауши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушского округа Чувашской Республики) Григорием Никифоровым в письме к этнографу Н. В. Никольскому [См.: 16]. О процессе изготовления инструмента Никифоров сообщает:

«Гусли делаются из ели. Для подставок употребляются: ива, орешник и дуб. Материал

на одни гусли идёт приблизительно коп[еек] по 20. Материал должен быть обязательно сухой, иначе гусли растрескиваются. Доски щиплют как лучину особо устроенными ножами. Гусли делаются так: сначала готовят боковые доски. Боковых досок три. Одна прямая, другая дугообразная () , третья имеет форму латинской буквы (S).

Для придания двум боковым доскам известной формы есть „форма-колодка“ (*кайшкар хайми лутти* [приспособление для гнутья боковой стенки. — М. К.]). Она имеет форму, представленную на ил. 7.

Ил. 7⁶

По изготовлении боковых досок их связывают. Для связывания боковых досок тоже есть форма, которая называется *кайшкар тытартар-малли лутай* [приспособление для прижатия обечайки. — М. К.]. После связывания боковых досок приклеиваются нижние доски (*теп хайми*) и доска для колок (*пайта хайми*), потом приклеивают верхние доски и подставки. После совершения отделки натягивают струны. Струны натягивают от 21 до 28» [16. Л. 95].

К приведённому описанию нужно добавить, что соединение обечаек и дек осуществляется с помощью небольших, но весьма характерных для *кёсле* вставочных брусков. Они представляют собой технологическую находку, которая обеспечивает удобную и прочную стыковку сложнопрофильных элементов резонатора. Обрамляя углы и ограничивая длину инструмента, бруски придают всей конструкции внешнее своеобразие и завершённость.

Невзирая на определённую технологическую сложность изготовления корпуса, лишённого прямых линий и прямых углов, чувашские мастера принципиально не отступали от традиционного канона. По данным начала XX века,

различались *кёсле* только по размерам: существовали большие *мӑн кёсле* и малые *пӗчӗк кёсле* [См.: 20. С. 120]. Длина верхней деки измерялась так называемыми четвертями, составлявшими четвертую часть аршина, равную 17,8 см. На практике четверть определялась по расстоянию между кончиками первого и пятого пальцев руки при растянутой ладони [См.: 10]. Гусляр И. Н. Яштайкин (родом из Курмышского уезда, ныне Красночетайского округа Чувашской Республики), игравший на большом *мӑн кёсле* (см. ил. 8), писал: «По своему размеру чувашские гусли бывают шести-, семи- и восьмичетвертные; преобладающими являются шестичетвертные. Толщина их соответственно бывает и должна быть 16, 17 и 18 сантиметров. Практикой установлено, что указанные размеры обеспечивают гуслиам наибольшую силу звуков, поэтому их необходимо соблюдать абсолютно точно и неуклонно» [17. С. 16]. Автор исследования чувашских музыкальных инструментов В. М. Кривоносов подтверждал, что в 1930-е годы были «наиболее употребительны гусли с длиной основания в 5–7 таких „четвертей“» [10].

Ил. 8⁷

4–5-четвертные инструменты, которые считались малыми *пӗчӗк кёсле*, были распространены преимущественно на юго-восточных территориях чувашского края. Именно такой инструмент показал В. А. Мошкову Алексей

Ермолаев. Похожие по размерам *кёсле* неоднократно фиксировали этнографические экспедиции во второй половине XX века (см. ил. 9). Размерам корпуса соответствовало и количество струн: у малых от 15 до 21–24, у больших — от 24 до 35–37.

Ил. 9⁸

Согласно иконографическим источникам и записям путешественников XIV–XVIII веков, число струн у псалтиревидных гуслей составляло от восьми до восемнадцати. В XIX столетии наряду с малыми изготовлялись и *мӑн кёсле* (большие), число струн которых доходило до 34–35. Несколько *мӑн кёсле*, созданных известным мастером М. Ф. Филипповым в 1960-е годы, имеют 37 струн. На них продолжают играть современные исполнители. Распространённость чувашских больших *мӑн кёсле* даёт повод считать их «одним из самых крупных народных инструментов гусельного типа» [22. С. 236].

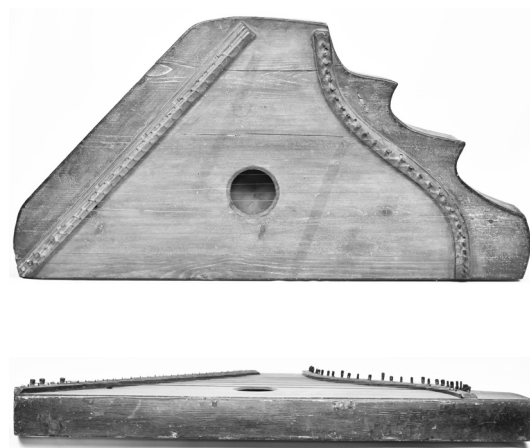
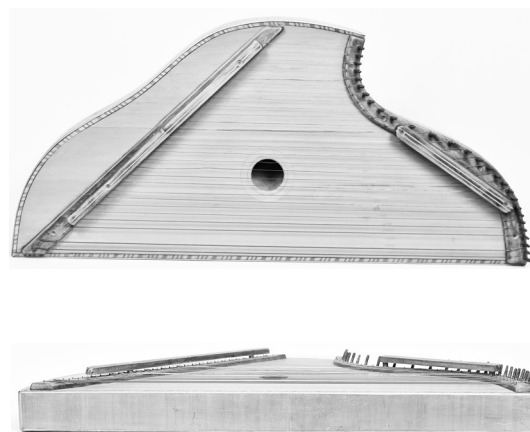
Из истории известно, что гусли чувашских мастеров ещё в XVIII веке пользовались спросом не только в сельском быту, но также вывозились на продажу в города, в том числе в губернский Нижний Новгород [См.: 7. С. 24].

А с середины XIX века чувашские гусли появляются и в столицах [См.: 13], экспонируются на всероссийских выставках [См.: 5. С. 163]. В конце XIX века этот тип гуслей освоили и марийские мастера, в какой-то степени соперничая на ярмарках и выставках с чувашами. Однако такое параллельное творчество продолжалось недолго, поскольку считается, что исходные формы марийской цитры отличались от *кёсле*. По утверждению исследователя марийских инструментов О. М. Герасимова, её прототипы следует искать «у щипковых инструментов семейства коми сигудков. Ближе к марийским кёсле находятся кантелевидные инструменты прибалтийских финнов — эстонцев, вепсов, финнов, карел» [6. С. 92–93]. Этот процесс претворился в инновационных формах, сближавшихся с реконструированным 36-струнным кантеле П. Салминена и других финских мастеров. Марийцы отошли от симметричности деки и конусообразности корпуса, уменьшили его глубину, боковые стенки стали соединяться с деками под прямым углом.

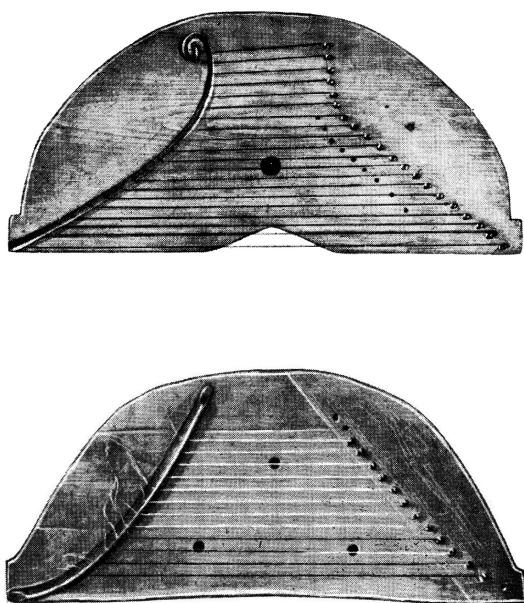
Известность получил, например, *кёсле* мастера В. С. Кашутина (см. ил. 10). Большое распространение получил *кёсле* П. С. Тойдемара (см. ил. 11). На таких инструментах играют современные исполнители.

В культуре крещёных татар наряду с псалтериумом чувашского типа распространены инструменты упрощённой формы. Сохраняя симметрию и шлемовидность, их деки соединяются с обечайками перпендикулярно, соответственно и передняя стенка становится прямоугольной. На ил. 12 представлен такой *гөслә*.

Сходный вариант формы шлемовидных гуслей описан у нагайбаков. В нём «верхняя и нижняя деки соединены с обечайками под прямым углом. Такое соединение, — считает В. В. Кошелев, — и определяет самобытность конструкции нагайбакских гуслей, позволяя назвать их полуцилиндрическими. Корпус инструмента действительно представляет из себя полуцилиндрический объём» [9. С. 47]. Сравнивая с *кёсле*, он же указывает, что «у чувашских инструментов все обечайки соединялись с деками под острыми и тупыми углами, что отличает их от нагайбакских» [9. С. 48–49].

Ил. 10⁹Ил. 11¹⁰Ил.12¹¹

В связи с особенностями формы резонатора шлемовидных гуслей, обращает на себя внимание их удмуртский вариант. От аналогичных цитр народов Поволжья *крёзь* отличается выемкой в середине передней стенки, иногда она целиком вогнута, несколько напоминая переднюю стенку гуслей библейского Давида; при этом корпус удмуртского псалтериума не выдалбливается, а собирается, как и *кёсле*. Форма деки скорее полукруглая, нежели шлемовидная (см. ил. 13).

Ил.13¹²

Добавим, что современные мастера (например, Д. Р. Парамонов, Москва) в поисках не сохранившегося трапециевидного типа русских гуслей экспериментируют и иногда воспроизводят классические формы чувашского *кёсле*.

Псалтиревидные/шлемовидные гусли в культурах народов России бытуют много столетий. Их изображения известны с XIV века. Автор летописной «Казанской истории», описывая взятие Казани войском Ивана IV в 1552 году, упоминает о гуслях у казанцев [См.: 8. С. 149]. И у марийцев, и у чувашей бытуют предания об участии гусляров в этих событиях.

В каждой культуре цитра развивалась по-своему, мастера каждого народа могли менять те или иные особенности конструкции, не изменяя природу инструмента, создавали свои варианты. Изучая иконографические материалы прошлых времён, сравнивая практику разных народов, нельзя не прийти к выводу, что чувашские мастера, где бы они ни жили, всегда сохраняли конструктивные и эстетические каноны устройства *кёсле*. Среди них назовём:

- верхняя дека симметрична по форме, её овальная вершина не переходит в трапецию;
- столь же симметричны встречные изгибы струнодержателя и порожка (или иногда линии расположения колков без порожка);
- нижняя дека асимметрична и по размеру меньше верхней;
- коробчатый корпус, конусообразно сужаясь, отличается специфической пространственной конфигурацией;
- он имеет большую длину основания и глубину, при этом отличается лёгкостью, поскольку не выдалбливается, а собирается из тонко выделяемых деревянных деталей;
- размеры *мён кёсле* превосходят величины аналогичных цитровидных инструментов в других культурах;
- основание (длинная сторона) обрамлено стыковочными брусками, придающими инструменту характерный профиль.

В совокупности эти признаки позволяют безошибочно узнать *кёсле* по внешнему виду. Не раз отмечалось, что «этот древнейший инструмент сохранился в Чувашской республике почти в том же виде, как описывают его историки XVIII и XIX вв.» [19. С. 45]. Доступные нам сегодня источники позволяют продлить историю этой формы в глубь веков, как минимум, до XIV века. В свете этого становится понятным, почему в обиход российских музыкантов и этнографов XIX–XX столетий вошло словосочетание «чувашские гусли» по отношению российского псалтериума вообще [См.: 1. С. 113]. Столь устойчивые в веках формы дают основание называть *кёсле* не только самобытной, но и уникальной разновидностью цитры народов России.

Примечания

- ¹ Источник иллюстрации: [21. С. 103].
- ² Источник иллюстрации: [14. С. 47].
- ³ Источник иллюстрации: [21. С. 95].
- ⁴ Фото с сайта «Гусли. Мастерская гусельного искусства». Режим доступа: <http://gusli.pro>. Дата обращения: 10.03.2025.
- ⁵ Фото автора. 2025 год.
- ⁶ На ил. 7 воспроизведён рисунок из цитируемой рукописи. Слева показан изгиб для дугообразной обечайки, справа — для S-образной.
- ⁷ Фото НА ЧГИГН [18].
- ⁸ Самарская область. 1961 г. Фото НА ЧГИГН [18].
- ⁹ Фото автора. 2024 год. Козьмодемьянский художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева.
- ¹⁰ Фото автора. 2024 год. Козьмодемьянский художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева.
- ¹¹ Фото Г. М. Макарова. 1979 год // Сайт «Гусли. Мастерская гусельного искусства». Режим доступа: <http://gusli.pro>. Дата обращения: 25.09.2024.
- ¹² Репродукции иллюстраций № 185 и № 186 из «Атласа музыкальных инструментов народов СССР» [2].

Список литературы

References

1. Бусыгин Е. П., Яковлев В. И. Гусли у поволжских народов // Советская этнография. 1985. № 2. С. 109–116.
Busygin E. P., Yakovlev V. I. Gusli u povolzhskikh narodov [Gusli among the Volga peoples]. Sovetskaya etnografiya. 1985, no. 2, pp. 109–116. (In Russ.)
2. Вертков К. А., Благодатов Г. И., Язовицкая Э. Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М.: Музыка, 1963. 275 с.
Vertkov K. A., Blagodatov G. I., Yazovitskaya E. E. Atlas muzykal'nyh instrumentov narodov SSSR [Atlas of musical instruments of the peoples of the USSR]. Moscow, Muzyka, 1963, 275 p. (In Russ.)
3. Вертков К. А. Типы русских гуслей // Славянский музыкальный фольклор. М.: Музыка, 1972. С. 275–286.
Vertkov K. A. Tipy russkikh guslej [Types of Russian gusli]. Slavjanskij muzykal'nyj fol'klor. Moscow, Muzyka, 1972, pp. 275–286. (In Russ.)
4. Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975. 280 с.
Vertkov K. A. Russkie narodnye muzykal'nye instrumenty [Russian folk musical instruments]. Leningrad, Muzyka, 1975, 280 p. (In Russ.)
5. Владимирский А. С. О законах музыкальной гармонии и национальных музыкальных инструментах, доставленных на Этнографическую выставку // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, издаваемый В. А. Дашковым. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1868. С. 159–168.
Vladimirskij A. S. O zakonah muzykal'noj garmonii i nacional'nyh muzykal'nyh instrumentah, dostavlennyh na Jetnograficheskiju vystavku [On the laws of musical harmony and national musical instruments brought to the Ethnographic Exhibition]. Sbornik antropologicheskikh i etnograficheskikh statej o Rossii i stranah ej prilezhashhih, izdavaemyj V. A. Dashkovym. B. 1. Moscow, Universitetskaja tipografija, 1868, pp. 159–168. (In Russ.)
6. Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола: Министерство культуры Республики Марий Эл, 1996. 223 с.
Gerasimov O. M. Narodnye muzykal'nye instrumenty mari [Mari folk musical instruments]. Joshkar-Ola, Ministerstvo kul'tury Respubliki Marij Jel, 1996, 223 p. (In Russ.)
7. Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Ч. 3. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1988. 112 с.

- Dimitriev V. D.* Chuvashskie istoricheskie predaniya [Chuvash historical legends]. P. 3. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988, 112 p. (In Russ.)
8. Казанская история. М.; Л.: АН СССР, 1954. 195 с. Kazanskaja istorija [Kazan history]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1954, 195 p. (In Russ.)
 9. Кошелев В. В. Нагайбакские гусли. Опыт комплексного исследования // Искусство Татарстана: пути становления. Казань: ИЯЛИ, 1985. С. 39–53. *Koshelev V. V.* Nagajbaskie gusli. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Nagaybak Gusli. An Experience of Comprehensive Research]. *Iskusstvo Tatarstana: puti stanovleniya*. Kazan', Institut jazyka i literatury, 1985, pp. 39–53. (In Russ.)
 10. Кривоносов В. М. Краткое описание чувашских музыкальных инструментов и заметки об инструментальной музыке чувашей // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. М.: Музыка, 1986. С. 275. *Krivosov V. M.* Kratkoe opisanie chuvashskih muzykal'nyh instrumentov i zametki ob instrumental'noj muzyke chuvashoj [Brief description of Chuvash musical instruments and notes on Chuvash instrumental music]. *Muzykal'naya fol'kloristika*. Iss. 3. Moscow, Muzyka, 1986, p. 275. (In Russ.)
 11. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Троя. Кн. 5/2. 488 с. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20230807115244/https://runivers.ru/lib/book6958/477647/> (Дата обращения: 29.04.2024). *Licevoj letopisnyj svod Ivana Groznogo* [The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible]. Troya. B. 5/2. 488 p. Available at: <https://web.archive.org/web/20230807115244/https://runivers.ru/lib/book6958/477647/> (Accessed: 29.04.2024). (In Russ.)
 12. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков. СПб.: АН, 1791. 101 с. *Miller G. F.* Opisanie zhivushhih v Kazanskoj gubernii jazycheskikh narodov, jako-to: cheremis, chuvash, votjakov [Description of pagan peoples living in the Kazan province: Cheremis, Chuvash, Votyaks]. St. Petersburg, Akademija nauk, 1791, 101 p. (In Russ.)
 13. Михайлов С. М. О музыке чуваш // Казанские губернские ведомости. 1852. № 31. Часть неофициальная. *Mixajlov S. M.* O muzyke chuvash [About Chuvash music]. *Kazanskije gubernskie ведомosti*. 1852, no. 31, Chast' neoficial'naya. (In Russ.)
 14. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края: Мелодии чувашских песен // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Вып. 1. Т. XI. 1893. С. 33–64. *Moshkov V. A.* Materialy dlya harakteristiki muzykal'nogo tvorchestva inorodcev Volzhsko-Kamskogo kraja: Melodii chuvashskih pesen [Materials for characterizing the musical creativity of the foreigners of the Volga-Kama region: Melodies of Chuvash songs]. *Izvestiya Obshhestva arheologii, istorii i e'tnografii pri Kazanskom universitete*. Iss. 1, Vol. XI, 1893, pp. 33–64. (In Russ.)
 15. Музыкальные инструменты: Энциклопедия / Ред. М. В. Есипова. М.: Дека-ВС, 2008. 786 с. *Muzykal'nye instrumenty: Enciklopediya* [Musical instruments: encyclopedia]. Ed. M. V. Esipova. Moscow, Deko-VS, 2008, 786 p. (In Russ.)
 16. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 177. Л. 95–99. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarny'x nauk (NA ChGIGN)* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otd. 1, Ed. hr. 177, l. 95–99. (In Russ.)
 17. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VI. Ед. хр. 156. 41 с. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarny'x nauk (NA ChGIGN)* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otd. VI, Ed. hr. 156, 41 p. (In Russ.)
 18. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VIII. Фотоматериалы. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarny'x nauk (NA ChGIGN)* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otd. VIII, Fotomaterialy. (In Russ.)
 19. Новосельский А. А. К вопросу об организации массового производства национальных музыкальных инструментов // Советская музыка. 1934. № 5. С. 43–50. *Novosel'skij A. A.* K voprosu ob organizacii massovogo proizvodstva nacional'nyh muzykal'nyh instrumentov [On the issue of organizing mass production of national musical instruments]. *Sovetskaya muzyka*. 1934, no. 5, pp. 43–50. (In Russ.)
 20. Павлов Ф. П. Чăваш музыка [Чувашская музыка] // Чăваш календарĕ. 1923. С. 117–124. *Pavlov F. P.* Chăvash muzyki [Chăvash music]. *Chăvash kalendarĕ*. 1923, pp. 117–124. (In Russ.)
 21. Фаминцын А. С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. Исторический очерк. СПб.: АН, 1890. 135 с. *Famincyn A. S.* Gusli. Russkij narodnyj muzykal'nyj instrument. Istoricheskij ocherk [Russian folk musical instrument. Historical essay]. St. Petersburg, Akademija nauk, 1890, 135 p. (In Russ.)
 22. Фролова М. И. Чувашские гусли в Нижегородском крае // Начало чувашского профессионального музыкального искусства. К 130-летию со дня рождения Ф. П. Павлова и С. М. Максимова:

- Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. С. 229–238.
- Frolova M. I. Chuvashskie gusli v Nizhegorodskom krae [Chuvash gusli in the Nizhny Novgorod region]. *Nachalo chuvashskogo professional'nogo muzykal'nogo iskusstva. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya F. P. Pavlova i S. M. Maksimova: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Cheboksary, Institut gumanitarny'h nauk, 2023, pp. 229–238. (In Russ.)
23. Хорнбостель Э. М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов / Пер. И. З. Аландера // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М.: Советский композитор, 1987. С. 229–261.
- Xornbostel' E. M. fon, Zaks K. Sistematika muzykal'nyh instrumentov [Taxonomy of musical instruments]. Transl. I. Z. Alender. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka*. Moscow, Sovetskij kompozitor, 1987, pp. 229–261. (In Russ.)
24. Чернов В. С. Кёсле // КИЛ: литературно-художественный и публицистический альманах Издательского дома «Хыпар». 2014. № 1. С. 104–122.
- Chernov V. S. Kёsle [Kesle]. *KIL: literaturno-hudozhestvennyj i publicisticheskij al'manah Izdatel'skogo doma "Hypar"*. 2014, no. 1, pp. 104–122. (In Russ.)
25. Яковлев В. И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья: Историко-этнографическое исследование. Казань: Казанский университет, 2001. 320 с.
- Yakovlev V. I. Tradicionnye muzykal'nye instrumenty Volgo-Ural'ya: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Traditional musical instruments of the Volga-Ural region. Historical and ethnographic research]. Kazan', Kazanskij universitet, 2001, 320 p. (In Russ.)

*Об авторе***Кондратьев Михаил Григорьевич**

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

- профессор, главный научный сотрудник, руководитель искусствоведческого направления
- доктор искусствоведения, профессор

Россия, Чебоксары

mikh-kondratev@yandex.ru

*About the author***Mikhail G. Kondratiev**

Chuvash State Institute of Humanities

- Professor, Chief Researcher, Head of the Art History Department
- Ph.D. of Art History, Professor

Russia, Cheboksary

mikh-kondratev@yandex.ru